

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

Дорога, если к ней привыкаешь как к части своей жизни, никогда не оставляет равнодушным. Огромное количество людей много времени проводят в дороге и потому вырастают в нее, как деревья своими корнями крепко вросли в землю по сторонам этой дороги.

У Павла Хавина дорога всегда вызывала противоречивые чувства. Иногда она нравилась и успокаивала, и он смотрел на нее сквозь стекла автомобиля с удовольствием. Иногда дорога раздражала и даже злила, ибо мелькание машин и неизменные гонки создавали ощущение, что постоянно куда-то несешься и не можешь остановиться, и вся жизнь летит кувырком к чертовой матери, не успеваешь перевести дух.

Оглянешься, а полжизни как корова языком слизала. И где они, эти полжизни, бейся лбом о стену — не сообразишь. Может, затерялись в дорожной толкотне, покрывшись коростой затвердевшей грязи после весенне-осенних дождей и слякоти. Может, испепелились в солнечном жареве лет. А может, замерзли в ледяном холоде зим.

Но, с другой стороны, где еще, как не в дороге, хорошо думается и вспоминается. И даже если эти воспоминания разочаровывают и навевают тоску.

Однажды вдруг человек осознает, что прожил жизнь не так, как хотел, и не так, как нужно было. Перевернуть бы все, да не в силах. Начать с нуля невозможно, а продолжать — нет смысла. Итогом прожитой жизни оказывается разбитое корыто, как у старухи из сказки. Предъявлять претензии некому, а себя обвинять невыносимо. Остается только надеяться, что все еще изменится и пойдет иным чередом.

Хавин не мог для себя определить, как он относился к собственной жизни. За сорок пять лет намешано в ней много разного. Успешный бизнесмен с мягкими манерами, ухоженный, привлекательный и спокойный. Но почему-то, несмотря на все успехи в бизнесе, не очень удачливый в личной жизни. Уже

дважды был женат, и всякий раз жены сами уходили, хлопая дверьми перед его носом. С грустью замыкался в себе, оставлял все, что наживали вместе, и начинал заново. Душевные раны затягивались медленно и болезненно.

После разрыва со второй женой пролетело полгода, и Павел понемногу приходил в себя. Впрочем, угнетала мысль, что за сорок пять лет так и не научился делать счастливыми женщин, находившихся рядом.

Теперь он думал, что никогда больше не наступит на одни и те же грабли. Всякий раз жены, разрывая с Павлом, говорили, что жить с ним неинтересно, просто невозможно. Что все деньги, какие имелись у Павла, не принесли счастья и что счастье, в конечном итоге, не в деньгах, ибо они приносят комфорт, но не гарантируют семейный успех.

Он не понимал жен, а жены не понимали его.

Сейчас он, в светло-коричневых брюках и светлой рубаше с коротким рукавом, сидел на заднем сиденье автомобиля и смотрел сквозь стекла на дорогу, которая неслась под колеса. У него был красивый овал лица, тонкие черты и карие глаза. Аккуратная короткая прическа. Мужчины с такой внешностью обычно сразу производят впечатление на женщин, но Павла это не утешало, особенно после распада второго брака.

Автомобиль гнал на предельной скорости. Хавин недовольно пошевелился. Водитель остро уловил недовольство, машинально сбросил скорость. Затылок водителя перед глазами Павла топорщился черным пучком коротких волос. Хавин распорядился припарковаться у первого придорожного кафе или ресторана, перекусить. В ответ — быстрый кивок головой и короткое «угу».

Километров через пятнадцать подъехали к двухэтажному зданию ресторана. Павел вылез из авто на цветную тротуарную плитку. Осмотрелся. Четыре машины на парковке. Сбоку от ресторана, в тени деревьев — беседки с летними столиками. Официанты шныряют туда-сюда с заказами посетителей, расположившихся в беседках. Цветы на клумбах. Солнце в зени-

те, печет нещадно. Хавин шагнул к дверям ресторана, коротко бросив водителю: «Пошли».

Зал ресторана средних размеров на десяток столиков. Два столика заняты. Павел прошагал к свободному. Мельком глянул в меню и сделал официанту заказ на двоих. Водитель тихо уселся напротив. Хавин пробежал глазами по посетителям.

За первым столиком пара средних лет, не смотря друг на друга, молча, сосредоточенно уплетала блюда, аж за ушами трещало. Мужчина лысоват и тороплив в движениях, женщина с жиденькими волосами сдержанна и копотлива.

За вторым столиком — молодая парочка. Симпатичные ребята. Блюда побоку, поедали глазами друг друга. Впрочем, Хавин видел сбоку, что неотрывно влюбленно пялился на девушку парень, у нее же на лице улыбка была застывшей, как бы искусственно вылепленной. И глаза пустые. Она рассеянно, мимолетно повела взглядом в сторону Хавина. И Павел отметил про себя, что девушка очень красива.

В этот момент официант принес блюда, Хавин взял в руки столовые приборы. Немолодая пара, расплатившись, чинно прошествовала к выходу. Женщина — впереди, высоко и гордо неся голову. Мужчина семенил следом, покачивая лысоватым затылком.

За ними поднялись молодые. Все тот же отсутствующий плавающий взгляд девушки скользнул по Хавину. И Павел почему-то вздрогнул, как от укола. Пронзило чувство неудачника, коего бросают женщины. Заскрипел зубами, когда за девушкой захлопнулась входная дверь. И вдруг вскочил из-за стола и кинулся к выходу под удивленным взором водителя.

Остановился на высоком крыльце, ослепнув на миг от яркого солнца. Парочка подошла к машине. Хавин поймал себя на мысли, что хочет смотреть на девушку. Странное желание, глупое и бессмысленное. Чем она вдруг зацепила его? На вид ей лет двадцать. Светловолосая, стройная, в белом тонком топе и короткой легкой юбчонке, открывавшей длинные ноги. Ее спутник распахнул дверцу машины, чмокнул девушку в щеку и помог сесть в салон.

Павел стоял неподвижно, пока машина не отъехала от ресторана, лишь потом вернулся к столу. Водитель допил сок и оторвался от стула. Хавин раздраженно ковырнул вилкой мясо, аппетит пропал, рассеянно посмотрел на водителя. Тот смущенно кашлянул и двинулся от стола.

После этого Павел еще долго одиноко сидел за столиком, задумчиво смотря в одну точку. Случаются в жизни мимолетные прикосновения взглядом, которые оставляют следы в памяти. Впрочем, он даже не запомнил лица девушки. Попроси описать, описал бы одним словом: красавица. И все. Но был укол и вспышка. Вот это он хорошо помнил.

Попросил принести водки, холодной, в графине. А когда официант наполнил рюмку, посмотрел на нее с остервенением, как смотрят на своего врага, с которым вынуждены обниматься. И одним глотком опустошил рюмку. Потом вторую, третью и четвертую, не закусывая. Как воду.

Потребовал счет и полез в карман за кошельком. Но тут же заказал новый графинчик. Почему пил, не осознавал до конца. То ли замордовали неудачи с женщинами, то ли стало грустно, что, обратив внимание на девушку, знал наперед: всякая новая женщина — это грустное повторение пройденного.

После часового ожидания водитель заглянул в дверь и поразился. Всегда знавший меру Хавин был пьян в стельку. Полулежал за столом. Подобного никогда не бывало. А ведь с утра торопил, чтобы к вечеру доехать до места. На какую-то встречу. Какая теперь встреча, добраться бы до первой гостиницы в ближайшем городке. Но официант сообщил, что на втором этаже есть гостиничные номера, и помог водителю довести Павла до постели.

Очнулся Хавин среди ночи. Открыл глаза, увидел темный потолок, всмотрелся в него расплывчатым взглядом. Не сразу сообразил, что лежит на кровати. В одежде и обуви. Повернулся на бок, сел. В голове поплыло. Потом разглядел на второй

кровати спящего водителя. Припомнил, что произошло. Скверно, все скверно. Его мучило, к горлу подступала тошнота. Стал на ноги. Качаясь, тронулся к двери. Вышел в коридор. По нему в темноте протопал к лестнице, спустился вниз. На улице вдохнул полной грудью свежего воздуха. Стало чуть легче. Глянул в ночное небо, на тусклый свет светильников вдоль здания, сошел с крыльца.

С автомагистрали доносился шум машин. Свет от фар пролетал мимо на высокой скорости. Павел глубоко втянул в себя воздух. Хмель продолжал цепляться за его мозг. Хавин шагнул к летней площадке. Беседки были пусты. Свет светильников отбрасывал от них длинные тени. Павел вошел в крайнюю беседку, сел за пластмассовый столик спиной к ресторану и положил руки на столешницу. Пластмассовый стул показался ему жестким, Хавин недовольно поерзал и стал смотреть перед собой, подставляя лицо под слабый ночной ветерок.

В таком положении просидел долго, ощущая, как голова приходила в норму. Потом услышал у ресторана шум припаркованного автомобиля. Через некоторое время раздались шаги. Павел повернул голову. К беседке подошел парень, и Хавин узнал в нем спутника девушки, которая понравилась ему днем. На парне были джинсы и джинсовая рубашка с коротким рукавом. Девушки не было. Хавин почему-то с придыханием подумал, что она, вероятно, сидит в машине. Парень безразличным тоном спросил:

— Вы один? — хотя прекрасно видел, что больше никого нет.

— Один, — отозвался Павел.

Парень рассеянно шагнул в беседку и плюхнулся на стул напротив. Не спрашивая разрешения. Хавин проследил за ним, удивленно вскинув брови. Затем еще раз обернулся, отыскивая взглядом его авто, словно хотел увидеть, как из салона выйдет девушка, но не увидел. Парень молчал, барабанил пальцами по крышке стола. Это странное поведение вызывало любопытство. Хавин чувствовал, как голова свежела все больше.

Молчание затягивалось. Павел не прерывал его. Он видел, что у парня не было желания разговаривать. И уже сомневался, что девушка находится в машине. Наконец, чтобы разрядить неловкое молчание, негромко произнес:

— Помнится, днем вы были вдвоем.

Парень перестал барабанить по столешнице, поднял глаза на Хавина:

— Да, все так, — подтвердил.

И Павлу показалось, что парень облегченно вздохнул, когда с ним заговорили.

— Где же теперь ваша спутница? — продолжил Хавин.

Парень нахмурился и неловко зашевелился:

— Спит в постели на втором этаже. Мы комнату сняли, — произнес неохотно и как-то безрадостно, пригладив рукой короткий чубчик. — А я вот катаюсь туда-сюда.

Новый вопрос вылился у Павла сам собой:

— Почему же вы не спите?

Лицо у парня сделалось более унылым, и он монотонно отозвался:

— Не сплю.

Вялый и странный диалог прекратился сам собой, потому что не о чем было больше говорить. Парню явно не хотелось обсуждать свои проблемы, однако определенно его что-то мучило, и эти мучения отражались на лице. У него была приметная внешность, запоминающаяся, обращающая на себя внимание.

Видя, что его внимательно рассматривают, парень поежился и протянул Павлу руку, называя свое имя:

— Валентин.

Хавин пожал ее:

— Павел. Хавин, — назвал себя и ощутил, что рука парня вспотела от волнения. Ладонь была узкой и мягкой, словно ватная. Затем Павел спросил:

— Она ваша жена?

Валентин тягуче и тяжело вздохнул, потер руку об руку и грустно отозвался:

— Да. Юлия.

Павел про себя произнес это имя, и ему показалось оно певучим и приятным, ласкающим и нежным, от него будто потянуло теплом и светом. Эти ощущения удивили Павла, и он заметил Валентину, что у его жены красивое имя. Тот неопределенно покачал головой, встал со стула, вышел из беседки и молча двинулся к зданию. Оно застыло, словно во сне: все окна в нем были темными. Бледный свет светильников падал на стены и едва достигал второго этажа. Хавин смотрел в спину парню, пока Валентин не скрылся за дверью. Было понятно, что между Валентином и Юлией что-то произошло. А у Павла в душе появился странный жар. И этот жар медленно распространялся по всему телу. Его охватило странное состояние, но это был не хмель, это было смятение в сердце.

Хавин поднялся и прошелся вдоль здания, унимая волнение. Потом остановился и долго неподвижно стоял, бездумно смотрел на дорогу. Услышал хлопок двери за спиной, оглянулся. Быстрым шагом к машине шел Валентин. Взъерошенный и сердитый. Выхватил из кармана брелок, пискнул сигнализацией. Отрешенно глянул в темноте на Хавина. Вызывающе произнес, как будто выплюнул:

— Все! Конец! Прощайте! Больше не увидимся! — Зло прыгнул в машину и сорвал ее с места.

Павел неторопливо вернулся к беседке. Но не успел сесть за столик, как из двери выбежала Юлия. Заметалась, выкрикнула:

— И не надо, не надо, не надо! Не хочу больше! — А что не надо и чего не хочу, не сказала, но Павел понял, что его догадка подтвердилась: между Валентином и Юлией произошла размолвка.

Девушка вскинула голову, посмотрела вокруг и неожиданно напрямик устремила к Хавину. У того перехватило дыхание. Ее стройная фигурка приближалась. Павел не отрывал глаз. Она была превосходна.

— Вы видели? Нет, вы видели? — резко спросила Юлия, войдя в беседку.

Павел кивнул, хотя надо было что-нибудь ответить. Но его горло словно надорвалось и застрял в горле. Юлия стояла перед ним, он хорошо видел ее лицо, слышал дыхание и улавливал запах. Это было приятно ему. Но внезапно в голове мелькнула мысль, что Юлия вдвое моложе, что надо оторвать от нее взгляд и прийти в себя. Тем не менее все в нем восставало против такого.

Совсем недавно, после всех неудач с женщинами, он был убежден, что подобное чувство уже никогда не оживет в нем. Между тем это убеждение заколебалось еще днем, когда увидел Юлию в ресторане, а сейчас колебание только усилилось.

Юлия смотрела Павлу прямо в глаза. Как будто обрадовалась ему, хотя он помнил, что в ресторане она лишь мельком взглянула в его сторону.

Хавин наконец сделал усилие, оторвался от девушки и сел за столик, движением руки приглашая ее сесть напротив. И когда она опустилась, задал вопрос:

— Что случилось, Юлия?

Девушка взглянула удивленно, потом пристально, а после слабо улыбнулась:

— Вы знаете мое имя? — Помолчала и неожиданно выдала: — Я вам нравлюсь. Я заметила днем, в ресторане. — Она поправила волосы, открывая красивые уши.

Павел на секунду оторопел, оттого что Юлия мгновенно раскусила его. И подтвердил:

— Не скрою, очень нравитесь.

— Вы мне — тоже, — неожиданно призналась Юлия.

Хавин посмотрел недоверчиво, проговорил:

— В ресторане вы так были увлечены своим мужем, что рассмотреть меня просто не могли.

Юлия поморщилась, словно Павел сказал совсем не то, чего она ждала от него в эти секунды:

— Это муж был увлечен мною, — отрезала с раздражением. — А я не хочу его!

Хавин не мог объяснить, что с ним творилось в эти мгновения, но с ним определенно уже что-то происходило. А Юлия вдруг огорошила вопросом:

— Вы хотите со мной в постель?

Павел смешался. На такой вопрос нужно было либо не отвечать, либо ответить честно. И он, помолчав, твердо произнес:

— Хочу. Странно было бы, если бы я не хотел этого.

Она решительно поднялась из-за столика и подала руку:

— Пойдемте.

Павел поцеловал ее пальцы и спросил:

— А если вернется муж?

Юлия недовольно нахмурилась:

— Какое это имеет значение? Я хочу в постель с вами. Прямо сейчас. Что же вы медлите? — Настойчиво потянула его за собой. — Может быть, мы с вами никогда больше не встретимся и всегда будем сожалеть о том, что не провели ночь вместе.

Павла изнутри жег огонь:

— А если потом придется терзаться, что расстались?

Рука Юлии чуть дрогнула:

— Во всяком случае, это лучше, чем засыхать без любви.

Хавин быстро встал с места.

Она пошла впереди, не выпуская из своей руки его руку. И чем ближе они подходили к входу в здание, тем больше он ощущал, как ее пальцы крепче сжимали его ладонь. Как будто Юлия опасалась, что он может вырвать руку и неожиданно исчезнуть. А ему казалось, что все снится и что он вот-вот проснется и Юлия растворится в ночи.

У двери Павел рывком прижал ее к себе и впился губами в губы. Она не сопротивлялась, обхватила его. Потом они вошли внутрь, поднялись по лестнице на второй этаж.

Юлия открыла дверь в свой номер. Павел ощущал сильный жар от ее тела. Сейчас он забыл, что еще недавно чувствовал себя опустошенным и разочарованным. Слышал только уханье собственного сердца в груди. Подхватил ее на руки и понес в постель.

Пальцы Юлии впились в кожу Хавина, она призывно стонала. Кипела и била через край, вскидывалась и затихала.

Потом они отдыхали. И Юлия хотела знать, понравилась ли она ему в постели.

— Вы восхитительны, — отвечал Хавин.

Юлия прикрывала ему рот ладонью, прося, чтобы он не называл ее на «вы», а то она чувствует себя старой!

Хавин попросил о том же. Но она возразила, сослалась на то, что с ним незнакома, даже не знает имени.

— Давай познакомимся, — сказал он негромко.

Но Юлия задумчиво и досадливо обронила:

— А зачем? Быть может, это наша первая и последняя встреча. Я не хочу ни о чем сожалеть.

— Ты не хочешь знать, как меня зовут?

— Нет. Это ни к чему. — Она сделала глубокий вздох, высоко поднимая грудь.

Павел напряжился. Так приятно ласкать красавицу и видеть, что она охотно принимает твои ласки.

Юлия повернулась к окну. С улицы начинал пробиваться утренний свет. Показала рукой, проговорила:

— Рассветает, — и вновь вздохнула.

Павел в ее голосе уловил тоску, будто Юлия не радовалась рассвету. И Хавину хотелось, чтобы она сожалела, что у них все прерывается. Но он понимал, что это неизбежно, как бы ни хотелось иного. Проговорил:

— К сожалению, все хорошее когда-нибудь заканчивается. Иногда это случается очень быстро.

Оба умолкли. Долго лежали без движения. Было слышно тиканье часов на стене. Это тиканье уже начинало изводить Хавина, когда раздался голос Юлии:

— Поцелуйте меня еще, — сказала она и порывисто прижалась к Павлу.

Хавин обнял ее. И весь мир сразу куда-то исчез. Время перестало существовать.

Казалось, ночь пролетела мгновенно, как пролетает птица над головой. Мгновением не надышишься и не утолишь жажду, но именно оно кажется прекрасным и неповторимым.

Все так непредсказуемо и неожиданно случается порой. Вчера в ресторане и Павел и Юлия очень удивились бы, если бы им сказали, что ночь они проведут в одной постели. А сейчас и он и она не хотели расставаться. Но Павел и Юлия знали, что он должен уйти, а она должна закрыть за ним дверь. Он собрался. Она стояла, ждала, отвернувшись к окну.

— Я пошел, — сказал он.

— Да, да, — кивнула она в ответ, не оборачиваясь.

— Я пошел, — повторил он.

— Да идите же наконец, не мучайте меня! — выплеснула она.

Он шагнул к двери, взялся за ручку, дверь легко поддалась. Мелькнула мысль, что они забыли запереть ее. Оглянулся на Юлию. Та по-прежнему смотрела в окно. Ее красивое голое тело купалось в утренних лучах. Павел распахнул дверь и вышел. Все закончилось, осталось в прошлом. Не вернуть. Да и стоит ли? Назад хода нет. Он твердо направился к своему номеру.

Водитель не спал, уже сидел на кровати полностью собранный. Встретил Хавина вопросительным взглядом, но ни о чем не спросил.

Павел раздвинул шторы, впуская в комнату слепящее солнце. Подумал: все хорошо, все хорошо. Он не осуждал ни себя, ни Юлию. Произошло так, как произошло. Жизнь продолжается. Посмотрел на часы. Он ехал в небольшой периферийный городок к приятелю на день рождения его жены. Ехал, чтобы отвлечься от всех накативших на него неурядиц. Вообще-то он не любил ездить по гостям, но давний приятель для него был как отдушина.

— Ну, что, трогаем? — спросил водитель, привставая с постели.

Хавин промолчал, и водитель снова сел, скрипнув матрасом.

Юлия пошла под душ, когда за Павлом захлопнулась дверь. Если она и сожалела о чем-то, так лишь о том, что все так быстро закончилось. Струи прохладной воды текли по волосам и телу. Успокаивали. Скоро все забудется, думала она, жизнь потечет по прежнему руслу, вяло и безразлично. Впрочем, кто знает, как будет дальше.

Она отключила воду, обтерлась полотенцем, вышла из душевой, оделась. Пора отсюда уезжать. Денег в сумочке достаточно, чтобы добраться до города на любой попутке. Сунула ноги в босоножки и шагнула к выходу.

На улице, на парковке неожиданно для себя увидела мужа. Он хмуро стоял около машины. Глаза их встретились. Валентин содрогнулся, а Юлия поморщилась, будто появление мужа испортил ей праздник. Маленькими шагами направилась в его сторону.

На лице Валентина дернулось какое-то жалкое презрение. И она, похоже, поняла, почему оно было таким. Юлия вскинула голову и тоже посмотрела пренебрежительно. Подойдя, недовольно спросила:

— Зачем ты вернулся?

Валентин расширил ноздри и задышал враждебно, но больше это походило на детскую обиду:

— Я все видел.

Юлия безразлично пожала плечами:

— Ну и что?

Обида захлестнула Валентина:

— Дверь в номер была открыта, — крикнул громко. Он хотел сказать, что он не подглядывал, он не мог опуститься до этого, что все произошло случайно.

Но Юлия равнодушно фыркнула в ответ, словно все, о чем он говорил и хотел еще сказать, ее совершенно не касалось:

— Ну и что?

Валентин задрожал. Казалось, он готов был вцепиться ей в горло, сдавить так, чтобы из него больше не вырвалось ни одного слова:

— Я убью тебя!

Юлия хмыкнула:

— Ну и что?

Валентин схватил ее за плечи. А она подумала, что, наверно, это хорошо, что он все видел, потому что он должен наконец понять, что между ними нет никакой любви, по крайней мере с ее стороны. Хорошо, если бы он сейчас ее ударил, тогда бы у нее была причина возненавидеть его и не чувствовать себя грешницей. Но Валентин не ударил, он лишь оттолкнул, захлебываясь негодованием:

— Я убью его!

Юлия усмехнулась с недоумением:

— За что? Он-то при чем? Я сама затащила его в постель, потому что он мне понравился.

У Валентина вытянулось и покраснело от натуги лицо, в глазах мелькнуло изумление:

— Что? — захлебнулся он собственным вопросом и потерянно переспросил: — Ты сама затащила? Он тебе понравился? Да когда он успел тебе понравиться, во сне, что ли? Ты же укладывалась спать, когда я ушел! Кто он?

В этот миг Юлия не сожалела, что не знала ответ, но вздохнула невесело и с досадой:

— Не знаю.

Валентин снова встряхнул жену за плечи, голос его прозвучал в ее ушах, как кваканье:

— Как это? Как это? Как это? Ты не знаешь, с кем переспала? Да ты потаскуха!

Юлия резко оторвала его руки от себя, зло глядя ему в глаза:

— Нет, и тебе это известно!

Валентин не мог поднять на нее руку, хотя ему представлялось, что достаточно еще маленького толчка и он не сумеет сдержаться:

— Я верю собственным глазам! Ты все мне врешь! Он намеренно приехал в этот ресторан, а ты умышленно устроила вечером скандал, чтобы остаться одной! Вы заранее договорились! Да, вы договорились!

Юлия поморщилась. Какая белиберда. Хотя, наверно, лучше было бы, если бы все случилось так, как говорил Валентин, тогда бы не пришлось оправдываться. А теперь вот выслушивай незаслуженные упреки. Она вздохнула:

— Нет. Я не знаю его.

Валентин растерянно уставился на нее, а потом обреченным, но ровным голосом выдал из глубины обеспокоенной души:

— Тогда ты и есть настоящая потаскуха, если тащишь в постель первого встречного.

Когда Валентин первый раз назвал ее потаскухой, она восприняла это как крик его души, ибо знала, что Валентин не верил в то, что говорил. Однако теперь его голос был иным. Похоже, что Валентин начинал верить собственным словам. Впрочем, сейчас Юлии было безразлично, что думает муж, она просто не желала несправедливых обвинений. Она никогда не была потаскухой и никогда ею не будет, как бы не сложилась дальнейшая жизнь. И Юлия решительно и даже грубо оборвала мужа:

— Нет! И не смей произносить это слово в мой адрес!

Мученическое выражение пробежало по лицу Валентина. Он как бы потерял опору под собой, схватился за ручку дверцы авто и посмотрел с надеждой:

— Ты моя жена, я люблю тебя. А ты с ним легла в постель. — Сжал кулаки, сделал паузу, раздумывая, стоит ли говорить следующие слова, и все-таки они вырвались наружу: — Я не верю ни одному твоему слову.

Юлия грустно развела руками:

— Вот в этом все дело, — вздохнула. — А он поверил мне сразу.

Валентина передернуло, но он смолчал. Юлия подошла к машине, села на заднее сиденье. Он, придя в себя, аккуратно

закрыл за нею дверцу и занял водительское место. Никогда прежде Юлия не садилась на заднее сиденье, но сейчас между ними образовалась трещина. Валентин всей кожей ощутил ее.

Он давно был влюблен в Юлию. А она их дружбу воспринимала как совместное времяпрепровождение и не более того. Он часто делал намеки, что хочет жениться на ней, но это всегда сместило Юлию.

И так бы, вероятно, все закончилось ничем, если бы мать вдруг не стала упорно втолковывать ей, что Валентин это достойнейшая пара и что лучшей партии просто не найти. А отец Юлии обыкновенно жестко сломил сопротивление дочери.

Свадьбу сыграли пышную. Но только через неделю Юлия смогла уговорить себя лечь в постель с Валентином. С первого дня начались размолвки. Холодность Юлии огорчала его. Но он по-прежнему смотрел на нее зачарованными глазами. Надеялся, что все между ними наладится.

Однако эта ночь и этот неизвестный человек поколебали его надежду.

В зеркало заднего вида Валентин наблюдал усталое лицо Юлии с выражением загадочной радости. Такого лица он никогда прежде не видел. С болью подумал, что она, став его женой, так и не стала его женщиной. А он, ее муж, не сумел стать ее мужчиной.

Но он по-прежнему сильно любил ее.

Ночью, когда уехал от Юлии, уверен был, что не вернется, однако быстро оттаял и снова потянулся к ней. И возвратился к ресторану. Поднялся наверх. Дверь номера оказалась незапертой. Он приоткрыл ее и оторопел. Не поверил собственным глазам. Жена лежала в постели в объятиях другого мужчины. Жар прошел по всему телу. Валентин застыл на месте. В глазах зарябило. Внутри все оборвалось, превратилось в черное облако.

Он чувствовал себя униженным. Противно, словно подглядывал в щелку. Надо было что-то делать. Взять и убить двоих.

Убить, убить. Он закрыл глаза, до боли прикусил губы, сжал кулаки и... тихо притворил дверь.

Ему было стыдно за свое малодушие. Но он уходил. Душила ревность, перед глазами стояло трепещущее тело Юлии в объятиях другого мужчины. Но он уходил.

На улице возбужденно топтался вокруг автомобиля, истекая ненавистью ко всему, что окружало его.

А сейчас спокойствие Юлии бесило Валентина. Кажется, она совсем не чувствовала угрызений совести. Она тихо дремала. А он гнал машину по дороге, следя за женой через зеркало заднего вида и цедя сквозь зубы:

— Довольна?!

Юлия очнулась от дремоты. По губам у нее блуждала слабая улыбка. Как будто ее ночное приключение еще не закончилось. Валентин снова раздраженно спросил:

— Тебе не стыдно?

Нет, ей не было стыдно. Ведь она ничего не украдала. Просто случилось то, что все равно когда-нибудь должно было произойти. Валентин не должен был идти на поводу у отца, не должен был жениться на ней. Он, конечно, неплохой человек и другая, может быть, с ним была бы счастлива, но ей нужен не такой.

— Не такой, — прошептала она. И чтобы позлить его, спросила: — Ты что-то сказал?

Валентин чувствовал, что все начинает рушиться, лопаться, как мыльный пузырь. И их семья, и надежды отцов на процветание бизнеса. Вот только сможет ли Юлия на этот раз устоять против воли отца? Вряд ли. Скорее, все останется как есть. Семья должна сохраниться. А он будет любить Юлию, какая бы она ни была. И надеяться, что сегодняшнее происшествие постепенно выветрится из их памяти. Жизнь длинная, она перемалывает и не такие события.

Валентин посмотрел на Юлию уже другими глазами, он простил ее и отозвался на ее вопрос:

— Да нет, ничего.

Юлия поморщилась, она не нуждалась в его прощении. Ей ничего не хотелось забывать. Ей претила безвольность мужа сейчас.

Между тем Валентин не был слабохарактерным человеком, из какого можно лепить все что угодно. Он был молод и здоров, хорошо сложен. Черные глаза, длинные ресницы, прямой нос. На него западали многие девушки. Но его словно замкнуло на одной Юлии. Что в ней было особенного, он не мог объяснить. Она для него вся была особенная.

Валентин, не оборачиваясь, заговорил тоном, будто ничего не случилось:

— Куда поедем? — спросил он, как сутки назад, когда ничто не предвещало ночных событий.

Юлия пожалала плечами, она не знала, куда ей нужно сейчас ехать, вовсе не думала об этом. Тогда муж добавил:

— Целый день впереди, не дома же сидеть. — Он давал ей понять, что отрезал, как ножом, ночное происшествие и не хочет никогда впредь вспоминать о нем.

Чего в этом было больше, благородства или толстовства? Юлия не поняла. Хотя наверняка знала, что родители попросту назвали бы сына тряпкой и слюнтяем. Теперь она должна была или принять, или отторгнуть его жертву. Впервые Юлия осознала, каким тяжким грузом у нее на душе лежала его жертвенная любовь к ней. Увы, но чужая любовь может не только окрылять, она может угнетать и разрушать.

— У меня есть предложение, — продолжил Валентин, — если ты не возражаешь, поедем куда глядят глаза.

Юлия продолжительно посмотрев на затылок мужа:

— От себя не убежишь, Валентин.

— Не надо больше об этом, — попросил он. — Прости, что я был груб с тобой. На меня что-то нашло.

Юлия усмехнулась:

— Странно было бы, если б не нашло.

Валентин понял ее усмешку. И с отчаянной грустью выплеснул:

— Я не хочу потерять тебя. Я тебя никому не отдам!

Юлия покачала головой. Ей это не понравилось. Это было не по-мужски. Такого мужа ей не за что было любить, даже уважать. Она холодно проговорила:

— Отдам, не отдам. Все это так смешно, Валентин. Я ведь не маленькая девочка, но я и не вещь какая-то, чтобы мной распоряжаться.

Валентин до боли сжал скулы, он сам был противен себе:

— Прости, я не это хотел сказать, — выдавил хрипло. — Никто тебя вещью не считает. Ты просто, как капризная девочка.

Юлия вздохнула, она давно уже не девочка, и этой ночью осознала, что превратилась в настоящую женщину. Женщину, способную любить до изнеможения. Отвернулась:

— Перестань, Валентин. Вези куда хочешь, — и прикрыла глаза.

Валентин хотел что-то ответить, но молча проглотил слова. А Юлия тихо провалилась в забытье.

Павел Хавин слышал, как по коридору простучали каблучки Юлии, и подумал, что она уходила из его жизни навсегда.

Эта ночь была, как сумасшествие. Он вновь испытал то, о чем пытался забыть. Он чувствовал, что это было не просто случайным ночным приключением. Его зацепила эта девушка, которой он годился в отцы. А ему совсем это не нужно. Он не готов к новым экспериментам с любовью. Она права, что не захотела даже узнать его имя.

Павел как бы расставил все по своим местам, вот только не было гармонии в душе, и это мучительно беспокоило.

Покинув номер, сел в машину и попытался забыться. Но Юлия не выходила из головы, и Хавин злился на себя. Всю дорогу до городка хмурился и скрипел зубами. На окраине оставил автомобиль и позвонил приятелю. Голос того был возбужденно-веселым:

— Ну, ты где, Павел? — спросил он громко. — Скоро начинаем торжество. Уже гости собрались. Только тебя нет. Жена

волнуется. Начинает пилить мне шею. Так что не опаздывай, не подводи меня под монастырь и не обижай именинницу.

Хавин в этот момент представил худое лицо Анатолия Адаевского с его длинноватым носом и вытаращенными глазами и невольно улыбнулся. Отозвался:

— Сейчас, только устроюсь в гостиницу и — к тебе.

В ответ голос Адаевского застрочил новыми словами, как пулями из автомата:

— Жду, Паша. Жду, жду, жду. Давай побыстрее там. Надеюсь, не забыл дорогу в мой загородный дом? Включай двенадцатую скорость и несись ко мне во весь опор. Гульнем на славу! Без тебя начинать не будем!

— Все понял, — сказал Хавин. — Быстро буду.

Снял номер в гостинице и сразу отправился дальше. Завернул в цветочный магазин с яркой вывеской над дверью и купил большой букет роз. Подарок для жены Анатолия у него был приготовлен заранее. Золотое кольцо с бриллиантом.

Подъехав к загородному дому с черепичной кровлей и высокой каминной трубой из красного кирпича, Хавин услышал музыку за металлическим забором. Водитель припарковал автомобиль, где вдоль забора уже стояли машины.

Открыв калитку, Павел увидел на широкой бетонной площадке перед двухэтажным домом толпу гостей с цветами и подарками в руках. Навстречу ему из этой толпы выскочил Адаевский, размахивая длинными дланями:

— Павел, чертяка, как я рад тебя видеть, — обхватил Хавина.

Анатолий был высоким мужчиной, худым и нескладным. Но одет был с иголочки. Белая рубашка под черные брюки, черные туфли и черные тонкие носки. Ворот рубахи расстегнут, открывая кадык на горле. Мимика лица делала черты выразительными. Отстранившись от Павла, он спросил:

— Ты опять без жены приехал? Твою вторую жену я до сих пор так и не видел, — развел руками и посмотрел на калитку, будто бы ждал, что оттуда должна появиться жена Хавина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru